

ИОАНН,
митрополит Ярославский и Ростовский

КНЯЗЬ ФЕДОР ЧЕРНЫЙ

*«Знать свою историю — значит понимать,
почему так было...» (В. О. Ключевский)*

ВВЕДЕНИЕ

Более 670 лет прошло со дня кончины Ярославского святого князя Фёдора Чёрного¹. За это долгое время к его замечательной личности привлекалось внимание многих авторов. Так, еще до причисления князя к лику святых в XV в., «существовала повесть о преставлении с немногими известиями о жизни его»². Историк В. О. Ключевский высказывает предположение, что повесть была составлена вскоре после смерти князя или на основании современной ему местной летописи, впитавшей эти подробности³. Наличие этой повести в то время, когда ее герой еще не был прославлен как святой, свидетельствует о живом, большом и глубоком уважении к Федору со стороны его современников.

На основании этой первоначальной повести, видимо, возникло проложное житие святого Федора, древнейшее из дошедших до нас. В Прологе, «или свойственно рещи, Синаксарии», под 19 февраля значится: «В тойже день памяти святого благовернаго князя Феодора, Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца, и чад его Давида и Константина».

Эта повесть о князе начинается с его родословной: «Сей святой блаженный князь Феодор сын бяше Ростиславль, рекомый Чёрный, девятый степеню от святаго и равноапостольнаго Владимира, внук Мстиславль, правнук князя Давида Смоленскаго, праправнук же Ростислава Мстиславля Владимира Мономаха».

Княжил Федор в Можайске «с безмолвием» «и не гневашеся на братию свою», хотя гневаться было на что: братья Федора, князья Глеб и Михаил, деля отцовское наследство, дали младшему брату наименьший удел — Можайск. Однако «ради безмолвия Федорова Бог поручил ему и славный град Ярославль». Произошло же сие «такowym обычаем». В Ярославле находилась княжна Ксения, супруга князя Василия Ростовского. У нее была единственная дочь Мария. Федор женился на ней и тем самым «град Ярославль притяжа во одержание себе». От брата же Михаила князь Федор наследовал и Смоленск.

Жил он «благочестно и богоугодно в граде Ярославле». «Измлада» возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь, чтил духовенство, как

¹ Кончина князя Федора последовала 19 сентября 1299 г. Автором принята транскрипция Федор, а не Феодор, что соответствует транскрипции С. М. Соловьева, а не Н. М. Карамзина. Принятие транскрипции Федор для почти всей жизни князь дает возможность в самом конце повествования, после пострижения его в монашество, назвать схимника — Феодор.

Так же, как и у С. М. Соловьева, в данной работе пишется Иоанн, а не Иван, но пишется Кыпчак (по А. Ю. Якубовскому), а не Кипчак.

² С. М. Шпилевский. Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславль Черный. Ярославль, 1899, с. 4.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник. Москва, 1871, с. 58.

слуг Божиих, любил монашеский чин и миловал нищих, «от всякия неправды отгребашеся» и, «яко изящный воин, во всем угождал своему Владыце».

В 1463 г. произошло прославление святых князей Федора и его сыновей — Давида и Константина. Это церковное торжество совпало с важным политическим событием — присоединением Ярославского княжества к владениям Московского государя Иоанна III, а также с концом (на князе Александре Федоровиче Брюхатом) второй династии Ярославских князей, потомков Федора. Тогда потребовалось более подробное житие князя Федора, и великий князь Московский Иоанн III, а также митрополит Московский Филипп I поручили написать его Ан-

Преподобный Феодор

тонию, иеромонаху Спасского монастыря в Ярославле. Об этом говорится в предисловии к житию и в Великих Минеях-Четьих¹.

Жизнеописание, составленное Антонием, существенно дополняет рассказ проложного жития о преставлении Федора рядом новых сведений. Особенно привлекают наше внимание сведения об отношении Федора к татарской Орде, о женитьбе его на татарской царевне. Антоний ссылается при этом на какие-то «летописания». Конечно, если эти сведения заимствованы у местного летописца, то это придает им особую ценность. Впрочем, существует мнение, что едва ли ярославских летописцев можно считать древними. Скорее всего, творения их появились лишь в XV в., когда вообще стала заметна тенденция вносить в летописи интерполяции на тему о почтительном отношении татар к русским князьям. Во всяком случае никакие источники ни прямо, ни косвенно сведения Антония о сватовстве Федора не подтверждают.

Следует иметь в виду, что крупный исследователь княжеских житий Н. Серебрянский упоминает (но, к сожалению, не называет) и более позднюю, «последнюю», «но очень редкую» редакцию жития Федора Ярославского, когда-то хранившуюся в собрании Ундольского под № 1126².

Сочинение Антония было написано, когда прошло не менее 170 лет после кончины Федора. Но оно в своих списках имеет то пропуски, то сокращения. Профессор В. О. Ключевский считает самым цельным тот список, что заключается в Сборнике Троице-Сергиевой Лавры середины XVII в. Самому жизнеописанию Федора здесь предшествуют предисловие и рассказ об открытии мощей. Списки же XVI в. были в собрании Ундольского под 1571 г., № 1214, л. 670 и № 383, л. 31. Волоколамский список находился в Московской духовной академии под № 490 (списан в 1543 г.), л. 226. Но в этом списке находилась другая статья о прославлении мощей. Она короче и не имеет предисловия. По мнению В. О. Ключевского, она написана до труда Антония³.

Сам Антоний пишет об источниках своей работы: «Не бо своими очима видех что таково бываемо, но от великих и достоверных мужей слышав в граде том, якоже то глаголют, инии своима очима видеша самага святаго, не зело бо пред многими леты бяше»⁴.

Каково же было житие, написанное Антонием? Очевидно, что автор был знаком с лучшими образцами русской агиографии своего времени. Предисловие он выписал из того жития митрополита Алексия, которое было создано Пахомием, внеся в него некоторые изменения. Из указанной выше краткой повести о преставлении князя Антоний взял биографические данные о герое своего повествования и сведения о нашествии Батяя. Ключевский предполагает, что строки об отношениях Федора с татарской Ордой взяты, «по-видимому, у местного летописца»⁵. Однако в известных летописных сводах рассказа об этих отношениях нет. История сохранила его только в житии Федора, написанном Антонием. И это придает его труду высокую историческую ценность. Антоний описывает смерть Батяя, несколько изменив рассказ об этом Пахомия. Следует отметить, что рассказ о кончине Федора целиком заимствован Антонием из уже указанной нами краткой повести о преставлении святого князя. Обретение мощей и чудеса, сопровождавшие это событие, описаны Антонием по статье, сочинен-

¹ Великие Минеи-Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1869, сентябрь, дни 14—24, стлб. 1261—1262.

² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР), 1915, с. 233.

³ Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский — источниковед. Изд. «Наука». Москва, 1970, с. 172.

⁴ Там же.

⁵ В. Ключевский. Цит. соч., с. 172.

ной до его собственного труда. При этом описание чудес с архиепископом Трифоном и безногим иноком Софонией сделано Антонием более витиевато. Для рассказа о суде над архиепископом Трифоном Антоний использовал повесть о Стефане Пермском, изложенную в житии преподобного Сергия, написанном Епифанием. Чудо же с иноком Софонией описано словами митрополита Феодосия, повествовавшего о хромом монахе Науме.

Рассказу об открытии мошей и чудесах, происшедших при этом, Антоний предпослал предисловие. Но оно очень многоречиво и по существу является переделкой того предисловия, которое Пахомий предпослал своему слову о перенесении мошей святителя Петра, митрополита Московского. Предисловие Пахомия было написано незадолго до того, как Антоний приступил к своей работе.

Н. Серебрянский относит Антониево житие князя Федора к литературным образцам своего времени, неоднократно ставит его в ряду «образцовых произведений»¹. Ученый вообще очень высоко ставит общественную роль княжеских житий: «Княжеские жития могли способствовать не только распространению в древнерусском обществе исторических сведений о важнейших событиях из русского прошлого, но и в некотором отношении развитию литературных вкусов более высокого направления»².

Существует еще житие святого князя Федора, написанное Андреем Юрьевым. Ключевский отмечает, что истории древнерусской духовной культуры неизвестны ни это имя, ни само произведение А. Юрьева. Списков его было на редкость мало, оно «было мало известно и древнерусским грамотеям»³. Нашему крупнейшему знатоку русской истории был известен лишь один список этого труда, который был обнаружен ученым в рукописи начала XVI в. в библиотеке Общества истории и древностей Российских под № 56, лл. 306—317. Этот список был озаглавлен «Житие преподобнаго князя Феодора Ярославскаго. Списано от Андрея Юрьева».

Любопытны первые строки предисловия к этому «Житию»: «О светлая и пресветлая Русская земля и преукрашенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварию; потешая Бог человека, и сътворил вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческого ради естества, и потом подарова Господь православною верою, св. (так в тексте.— М. И.) наполнив ю великими грады и дома церковными и насыая ю боголюбивыми книгами, и показуя им путь спасения, им же дойти пресветлага свега и радости всех святых и райския пищи, неоскудная Божия благодати наполнится, но по делам нашим прияти противу трудом»⁴.

Ключевский утверждает, что «по выражениям автора можно только догадываться, что писал он в Ярославле»⁵. Ученый утверждает также, что «в некоторых словах жития можно видеть довольно ясный намек на то, что оно написано после открытия мошей святого князя, хотя невозможно решить, раньше или позднее Антониевой редакции»⁶. Намек же, отмеченный Ключевским, содержится в следующих словах: «Тако же в ныняшняя времена прояви Господь сего новаго чудотворца князя Феодора, спасая им град его Ярославль от многих бед его»⁷. Слово «ныняшняя» подчеркнуто Ключевским, ибо пред этим А. Юрьев

¹ Н. Серебрянский. Цит. соч., с. 291, 294.

² Там же, с. 295.

³ В. Ключевский. Цит. соч., с. 173.

⁴ Цитировано по: В. Ключевский. Указ. соч., с. 173.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 173—174.

⁷ Там же, с. 174.

говорил о прославлении в Москве новых светильников Божиих — митрополитов Алексия и Петра.

В труде А. Юрьева чувствуется начитанный человек: он цитирует сказания о святых князьях Борисе и Глебе, приводит отрывки из житий святого Димитрия Солунского, святителей Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, для своего послесловия слегка переделывает послесловие Пахомия к житию преподобного Сергия Радонежского. Житие, написанное А. Юрьевым, еще более риторично. Достаточно сказать, что заключающая житие похвала князю Федору лишь немного короче чисто биографической части жития.

Ключевский отмечает, что А. Юрьев «задачу свою исполнил с литературным умением, дающим его труду почетное место в ряду русских риторических произведений XV—XVI веков»¹. А. Юрьев не был ни монахом, ни священнослужителем, но был как-то связан с Кирилло-Белозерским монастырем². В свое произведение он целиком и почти дословно перенес древний некролог, посвященный князю Федору, и не совсем удачно пополнил его сведениями из других источников. Сочинение А. Юрьева не содержит каких-либо оригинальных данных. Автор поставил перед собой задачу лишь риторически украсить житие, наполнить его сравнениями и метафорами. Для этого он использовал жития равноапостольного князя Владимира, святых князей Бориса и Глеба и особенно святого князя Александра Невского. Наиболее удачно А. Юрьев использовал знаменитое «Слово о гибели Русской земли», так, собственно, гармонизировавшее своим настроением описанию в Юрьевском «Житии» татарского ига на Руси.

Таким образом, мы имеем не одну редакцию жития князя Федора. Исследователь Л. Т. Белецкий пишет: «Мы попытаемся выяснить содержание, какое мы вкладываем в понятие «редакции». Редакцией мы считаем первоначальный текст совокупности или группы списков литературного произведения, который явился результатом сознательной переработки уже существующего текста одного или целой группы однородных списков того же литературного произведения. Это не есть новое литературное произведение, а прежнее, только сознательно переработанное под влиянием новых замыслов или иных творческих побуждений тем же самым автором или другим, имя которого до нас могло не дойти». Ученый, как пример, приводит наличие двух редакций «Повести временных лет». В основании второй редакции лежит первая, «значительно измененная и дополненная»³.

Яркий свет на эти метаморфозы проливает высказывание крупнейшего и авторитетнейшего русского историка В. О. Ключевского, в котором совершенно верно утверждается, что житие — отнюдь не биография. Ученый писал: «Историческая биография воспроизводит прежде всего частные, индивидуальные черты известного лица. Житие, напротив, берет из индивидуальной жизни только то, что подходит под общий тип, т. е. в чем непосредственно отразился общий христианский идеал. Житие относится к исторической биографии так, как иконописное изображение к портрету»⁴. Историк устанавливает четыре причины происхождения различных редакций. Во-первых, жития переписывались «для собственной душевной пользы или для тесного кружка». Но личный авторский элемент ценился недостаточно, и было естественным сокращать или дополнять жития при переписке, как подкажет разум или вкус переписчика. Во-вторых, могли играть роль

¹ В. Ключевский. Указ. соч., с. 174—175.

² Н. Серебрянский. Цит. соч., с. 226.

³ Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. Исследование и тексты. Петроград, 1922, с. 5.

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, с. 73.

и чистые случайности. Например, рукопись долгое время хранилась в монастырских кладовых, а когда в ней возникла нужда, то оказывалось, что многие страницы из-за порчи невозможно прочесть. Тогда они подвергались литературной «доработке», когда — опять же по собственному разуму или вкусу — в рукопись вписывались недостающие слова или целые строки. Третья причина заключалась в том, что вскоре после преставления подвижника составлялась, так сказать, первоначальная биографическая запись о нем. А когда вставал вопрос о причислении его к лику святых, то первоначально записанного материала оказывалось недостаточно. Наконец, в-четвертых, со временем изменялся взгляд на житие, его задачи и приемы. Каждой смене таких взглядов сопутствовала и новая редакция¹.

Но, можно сказать, богословскую основу под это явление прекрасно подвел исследователь древнерусских княжеских житий Н. Серебрянский. Он пишет: «Литературный тип древнего христианского жития слагался под воздействием разнообразных литературных влияний. Прежде всего и решительнее всего на нем должно было отразиться влияние Священного Писания и особенно евангельских повествований о земной жизни и о чудесах Спасителя. В евангельских рассказах биографы святых должны были искать литературные образцы для своих назидательных сочинений уже и потому, что жизнь святого всегда была и рассматривалась как подражание жизни Христа, Божественного Учителя и Чудотворца... Житийную литературу можно бы было рассматривать как своего рода назидательный комментарий к евангельским повествованиям, даже как продолжение евангельской истории на примерах из жизни, подвигов и чудотворений целого сонма учеников Божественного Учителя. Из всех видов церковных произведений древнейшие жития святых угодников, несомненно, ближе всего стоят к литературе Священного Писания и по своему содержанию, и по приемам литературного изложения»².

Существенное дополнение к описанию подвигов князя Федора дает такой ценный исторический памятник, как «Книга степенная царского родословия». Она была составлена в третьей четверти XVI в. под наблюдением московских митрополитов Макария и Афанасия. «Книга» разделена на семнадцать «степеней», каждая из которых отражает время правления великих русских князей и митрополитов. По характеристике известного историка Д. Лихачева, она является грандиозной портретной галереей деятелей русской истории, от Ольги и Владимира до Иоанна Грозного.

«Книга степенная», заимствуя сказание Антониево, приводит новые данные, неизвестные из других источников. Так, например, приводятся сведения о количестве городов, подаренных ханом князю Федору³.

Во второй половине XVII в. на основе жития, вошедшего в состав «Книги степенной», в Ярославле было написано новое житие. В нем в еще большей степени, чем в житии, составленном А. Юрьевым, чувствуется стремление к литературному «обогащению», стремление приблизиться к популярным образцам житийной литературы.

Следует отметить, что и в наиболее близкое к нашей эпохе время жизнь и деяния святого князя Федора привлекали внимание духовных писателей. Так, например, уже в конце прошлого века было опубликовано житие Федора и его чад Давида и Константина, написанное архимандритом Владимиром⁴. Книга открывается иконой, на которой изображены все три святых князя. Автор дает тропари и кондак, посвящен-

¹ Э. Г. Чумаченко. Цит. соч., с. 73—74.

² Н. Серебрянский. Цит. соч., с. 285.

³ Книга степенная. I, 392—397.

⁴ Архим. Владимир. Житие святых благоверных князей Феодора и чад его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев. Изд. 2-е. СПб., 1895.

ные им, рассказывает о днях празднования памяти святых князей. Собственно же житию отведено всего лишь четыре страницы. Скорее, это — схема жития.

В конце же прошлого века опубликовано житие, тщательно составленное преподавателем Ярославской духовной семинарии Г. Преображенским ко дню торжества 600-летия со времени кончины святого благоверного князя Федора¹. Это очень обстоятельное, продуманное описание славной жизни великого князя. Автор не только пересказывает житие, но и производит изыскание, с личной точки зрения подходит к ряду вопросов. Так, например, дается характеристика тогдашнего Ярославля, описывается поход Батыя на Русь, дается ссылка на рукописное житие XVII в., хранящееся в библиотеке графа Уварова, есть ссылка и на рукопись библиотеки Спасского монастыря в Ярославле, рассказывается о строительстве Федором православных храмов на золотордынской земле.

Очень тщательный анализ имеющегося материала с подробной ссылкой на литературу дал в весьма изящном изложении С. М. Шпилевский в своей речи, произнесенной в Ярославле в день 600-й годовщины смерти князя Федора 19 сентября 1899 г.²

В 1901 г. было опубликовано житие Федора в новом издании Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского, подготовленных при консультации столь авторитетных ученых, как В. О. Ключевский и М. Н. Соколов.

Этим, как будто, исчерпываются источники, посвященные князю Федору. Но, помимо этого, его имя упоминается, а жизнь с большей или меньшей подробностью описывается в весьма многих исторических и краеведческих трудах. Из исторических работ особого внимания заслуживают «История государства Российского» Н. М. Карамзина³ и «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева⁴.

Любопытно отметить, что личностью Федора интересовался и первый русский ученый М. В. Ломоносов. Г. Н. Моисеева пишет в своей книге «Ломоносов и древнерусская литература»: «Внимательно изучены Ломоносовым произведения церковно-учительной литературы: «Слова» Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина, Амвросия Миланского. Хорошо были известны Ломоносову древнерусские жития: княгини Ольги, Бориса и Глеба, Владимира Святославича (в неизвестной нам редакции), Александра Невского, Федора Смоленского и Ярославского...»⁵. Исследованы рукописи, хранящиеся в Академии наук СССР и побывавшие в руках Ломоносова. Он оставил в них свои приписки, отчеркивания, пометы, особые знаки. Вот лист 340-й Патриаршей летописи. Здесь рассказывается о брани «межи князей русских». Они «глаголи свою обиду» прибывшему во Владимир послу Золотой Орды Алексу Неврюю. С одной стороны оказались князья Андрей Владимирский, Константин Ростовский и Федор Черный Ростиславич Ярославский. «А на другой стране противу их сташа князь великий Данило Александрович Московский, да князь великий Михайло Ярославич... Тверской, да с ними переславцы за един». На полях около этих строк Ломоносов написал чернилами знак нотабене (NB), что значит: «обратить особое внимание»⁶.

¹ Святой благоверный и великий князь Федор Ростиславович Ярославский и Смоленский. Москва, 1899.

² С. М. Шпилевский. Цит. соч.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Ниже цитируется по 5-му изд. СПб., 1842.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. СПб., 1897.

⁵ Г. Н. Моисеева. Ломоносов и древнерусская литература. Изд. «Наука». Ленинград, 1971, с. 85.

⁶ Там же, с. 24.

Когда президент Академии художеств И. Бецкий поручил Ломоносову выбрать из истории России «знатные приключения» для написания картины, ученый не только использовал «Казанскую историю» — памятник XVI в. — и дал описание встречи татарской царицы Сумбеки в Москве с царем Иоанном IV, но углубился и в более раннюю историю.

Ломоносов, пользуясь «Житием» Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, предложил Академии художеств изобразить эпизод сватовства за него дочери хана Орды. По мысли ученого, «можно изобразить, как невеста от жениха крест и перстень принимает. Мать, царица татарская, соединяя их руки, с радостью на то смотрит, и склоненный отец мановением изъявляет дозволение»¹.

Отрывочные сведения из летописей и указанные повести и жития в той или иной степени являются источниками по жизни Федора, хотя, как можно было видеть, не все сведения о святом Федоре имеют древнее происхождение. В более позднее время была сделана переработка этих первичных данных, соединение их в одну картину и сопоставление с другими историческими событиями, происходившими в русских княжествах и других странах мира в дни жизни Федора.

Накануне новейшего времени, в 1915 г., была опубликована уже цитированная нами весьма солидная монография Н. Серебрянского «Древнерусские княжеские жития», в которой уделена значительная доля внимания и князю Федору Черному.

Краеведческие труды, касающиеся жизни князя Федора, весьма обильны как в дореволюционной, так и в советской литературе.

Такой неугасающий, идущий через семь столетий интерес к личности провинциального князя, возведенного Русской Церковью на высоту святого, но, казалось бы, стоящего в стороне от главной линии развития русской истории, захватывает. Захватил он и автора данной работы.

Эта работа — попытка дать общую картину, по возможности, всего того, что было написано о Федоре раньше, и высказать некоторые мысли о значении князя Федора в русской истории — государственной и церковной.

ЖИЗНЬ СВЯТОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА

Сперва князь Федор был настолько малоизвестным, что только к середине своей жизни он привлек внимание тех летописцев, которые в записях своих тянули нить истории нашей страны.

Первое упоминание о нем находится в Никоновской летописи под 1276 г., где имя его стоит в числе имен других князей, съехавшихся в Кострому на погребение великого князя Василия Ярославича². Напомним, что Василий Ярославич прожил краткую (всего 37 лет), но яркую и героическую жизнь. Шести лет от роду, в 1246 г., он уже именуется и становится удельным князем Костромским, в 1272 г. — великим князем Владимирским, главой всех удельных князей северо-восточной Руси и в том же, 1272 г. во главе рати русских воинов блистательно побеждает татар в битве под Костромью, у нынешнего села Некрасова. Это была, как будто, первая и для XIII в. весьма удивительная победа русских над татарами. Героический князь не едет в стольный город Владимир. За четыре года до своей смерти делает он Кострому столицей северо-восточной Руси. Он прославляет ее и как церковный центр, потому что с его именем связано явление одной из древнейших икон русских — иконы Богоматери Федоровской³.

¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, с. 369.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. X—XI. М., 1965, с. 103

³ А. Масленицын. Кострома. Изд. «Аврора». Ленинград, 1968, с. 8.

Летописная запись 1278 г. посвящена Федору как ее главному действующему лицу. Он выдает замуж свою младшую дочь. Это сообщение позволяет Экземплярскому¹ приблизительно рассчитать год вступления в брак самого Федора и год его рождения. Год рождения святого князя определяется приблизительно как 1240-й, а год вступления его в брак — как 1260-й. Эти две даты, возможно, определяют время первой половины жизни князя Федора.

Федор Ростиславич Черный происходил из рода князей Смоленских. Есть предположение, что прозвище «Черный» было дано князю за смуглый цвет его лица и черно-воронные волосы. Надо сказать, что истории известны и другие лица, получившие то же прозвище, например, Савва Черный, Исаия Черный. Судьба спасла отца Федора — Ростислава Мстиславича — от гибели в Киеве во время осады и разорения города Батыем (1240 г.). Тогда Ростислав Мстиславич стал было во главе защитников Киева, но был удален из города князем Даниилом Галицким, поставившим над русским войском тысяцкого Дмитрия.

Как и все русские князья, Федор Черный был Рюриковичем, и его предки по нисходящей линии были следующие: Рюрик, Игорь (муж святой княгини Ольги), Святослав, Владимир (святой, равноапостольный), Ярослав (Мудрый), Всеволод, Владимир Мономах, Мстислав, Ростислав, Давид, Мстислав, Ростислав, отец Федора.

У Ростислава Мстиславича было три сына: Глеб, Михаил и Федор. Пользуясь тем, что Федор был младшим, старшие братья после смерти отца отдали ему малый удел — Можайск. Но и Можайск оказался для Федора знаменательным, ибо именно здесь началась самостоятельная жизнь юного князя.

Шла уже вторая половина XIII в. Мпновали ужасы Батыева нашествия. Своими блестящими победами в 1240 и 1242 годах над шведами и немцами святой князь Александр Невский отразил опасность, грозившую с запада. Тяжелая и постыдная зависимость Руси от Орды еще продолжалась, но отношения между победившей Ордой и побежденными русскими в какой-то степени нормализовались. Русским было, конечно, очень тяжело, однако в зависимом от Орды, но не смирившемся с нею русском государстве жизнь шла своим чередом.

В этот период, точнее — в 1260 г., в жизни Федора произошло важное событие: состоялась его женитьба на княжне Марии Васильевне, и он, так сказать, механически получил в приданое еще один и весьма значительный удел — Ярославль. «Ярославль в приданые взял», — говорит древний историк².

Чтобы лучше понять и оценить значение для Федора этого события, оглянемся на предшествовавшую ему историю Ярославского княжества.

Оно было основано в 1218 г., после того уже, как город Ярославль, основанный в начале XI в. Ярославом Мудрым, превратился из отдаленного волжского форпоста Ростово-Суздальской земли в город значительный, самостоятельный, с развитой архитектурой. Ярославль не был обширен: окружность города составляла немногим более трех верст, но населен он был густо, о чем свидетельствовало наличие в нем 17 храмов (сгоревших при пожаре в 1221 г.).

Первым Ярославским князем был Всеволод (1218—1238), получивший княжество в удел от отца — Ростовского князя Константина. К этому княжеству относились также Угличе поле, Молога и «страны Заволжские» до Кубенского озера.

Князь Всеволод Константинович разделил геройскую кончину с великим князем Владимирским Юрием (Георгием) во время сражения с

¹ Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси. СПб., 1891, с. 7, 11.

² Родословная книга. «Временник Московского Общества истории и древностей Российских», кн. X. М., 1851, с. 54.

татарами на реке Сити 4 марта 1238 г. В то время, как в Ярославле княжил Всеволод, в Ростове князем был его старший брат Василёк (Василько). Василько был также участником упомянутого сражения, но не был убит, а пленен. Он был «красив лицом, имел ясный и вместе грозный взгляд, был необыкновенно храбр»¹. Татары хотели склонить его на свою сторону, чтобы Василько принял их обычаи и воевал на их стороне. Но Ростовский князь «не ел, не пил, чтобы не оскверниться пищей поганых, укоризнами отвечал на их убеждения». Церковь причислила Василько, так же как и великого князя Георгия, к лику святых.

Ярославский князь Всеволод имел двух сыновей — Василия и Константина. Смерть отца застала их еще детьми, не старше, чем 10 и 9 лет. Тем не менее Василий наследует отцу на Ярославском столе. Семнадцати лет от роду, в 1245 г., он вступает в брак с княжной Ксенией. Но через четыре года он умирает, оставив после себя дочь Марию и сына Василия. О последнем в истории не осталось известий: должно быть, он умер мальчиком.

Княжеский стол в Ярославле занимает младший брат Василия — Константин. Ему тогда было не более двадцати лет. А через восемь лет, в 1257 г., князь Константин гибнет смертью героя в сражении на Туговой горе, под Ярославлем.

Русская Православная Церковь причислила князей Василия и Константина к лику святых. Это произошло после вскрытия их могил в Ярославском Успенском соборе и обретения их мощей после большого пожара в 1501 г. Мощи, однако, сгорели в другом пожаре, случившемся 20 февраля 1744 г.²

Вместе с гибелью князя Константина мужская линия первой династии Ярославских князей пресеклась. На княжеский стол Ярославля садится юная Мария, дочь Василия. Ей тогда было не более одиннадцати лет, и потому дела правления княжеством вела ее мать — Ксения, тоже еще молодая женщина, не старше тридцати лет.

На Марии три-четыре года спустя женится молодой Можайский князь Федор. Брак был заключен по совету дядей Марии — сыновей Ростовского святого князя Василько: Бориса, князя Ростовского, и Глеба, князя Белозерского. Федор был принят в чужую семью... Какие достоинства мог он принести с собою? Как будто бы несущественным, но по тем временам совершенно обязательным достоинством было благородство происхождения. Из приведенной выше генеалогии видно, что этим достоинством Федор располагал вполне.

Но несомненно, однако, что Федор должен был зарекомендовать себя и еще чем-то, иначе совет дядей Марии не склонился бы на ее брак с ним. Ратных подвигов за Федором к тому времени еще не было. Но за время своего княжения в Можайске Федор сумел превратить город, прежде бедный и малый, в безбедный и значительный. И, вероятно, именно за это князь получает одобрительный вотум почтенных дядей своей невесты. Федор подавал надежду: он должен был и в Ярославле сделать то, и даже еще более того, что сделал в Можайске.

Что же встретил Федор в новой семье и в новом для него городе? Несомненно, молодая жена Мария и дети — сын Михаил и две дочери, имена которых неизвестны, — должны были составить семейное счастье князя, возвышающегося в своем положении. О том, что счастье это было достаточно прочным, свидетельствует та нравственная стойкость, с которой впоследствии Федор будет отвергать брачные предложения Орды. Он согласится на них только после того, как узнает о смерти Марии.

¹ С. М. Соловьев. Цит. соч., т. 3, с. 142.

² «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г.

Нет никаких сомнений, что в Ярославле Федор встретил и некоторые трудности. Первая трудность, думается, заключалась в приобщении к высоким традициям новой семьи. Это была семья героев и святых мучеников. Ведь дядя Марии — князь Константин — сложил свою голову в жарком бою за родину, тут же, у стен Ярославля. И это событие, совсем еще недавнее, происшедшее всего лишь за три года до женитьбы Федора, было очень живо в памяти новых родственников Федора. Да и дед княжны Марии — князь Всеволод — принадлежал к числу тех же павших героев. И отец ее дядей, князь Василько, был мучеником, стойко выдержавшим долгое испытание соблазнами со стороны татар. Великий князь Юрий — предводитель русского войска, павший в схватке с врагом на реке Сити, — также приходился родственником Марии.

При таком высоком авторитете новых родственных связей в семейном окружении Федора совершенно естественно мог возникнуть вопрос: окажется ли князь, новый член славной семьи, достойным ее героических традиций и способен ли он будет стоять за родину до самой смерти, как это делали отцы и деды? В дальнейшем жизнь Федора покажет, что он тоже храбрый военачальник, но при этом еще дальновидный дипломат: в политику Ярославского княжества он внес вместо жертвенной самоотреченности, характерной для князей первой ярославской династии, новый принцип — благоразумное соглашение с сильнейшей, хотя и иноземной, властью. А на этой основе Федор достиг экономического развития своего княжеского удела. Итак, Федор по самой своей натуре должен был противопоставить себя той семье, в которую он пришел.

Но, кроме самой семьи, существовало и ее внешнее окружение. И в этом окружении Федору, несомненно, пришлось встретить немалые трудности: ему необходимо было наладить отношения с приближенными прежних ярославских князей — с их дружиной и боярами. Если новый правитель Ярославского княжества и привел свою дружину из Можайска, то она была, вероятно, меньше дружины ярославской. Между этими дружинами могли возникнуть какие-то трения. Старая дружина, вероятно, не доверяла Федору, стремилась поставить его под свой контроль. Об отношениях ее к новому князю подробно говорит С. М. Соловьев в своей «Истории»¹.

Отношения Федора с ярославским боярством были также натянутыми. Отлучки князя из Ярославля, особенно если они были продолжительными, усиливали могущество бояр и вызывали явное раздражение престарелой княгини Ксении, матери Марии.

Однажды, возвращаясь из подобной поездки (история не сохранила ее даты), Федор не смог войти в столицу своего собственного удела. Ксения и бояре не приняли его, «нелепая словеса глаголаша», заявив, что они не имеют «такового обычая», «еже отинуду пришедша прияти». хватит-де им сына его как «отечеству наследника». Федору сообщили при этом, что супруга его скончалась и что в нем больше не нуждаются². Икона святых Федора, Давида и Константина (XVI в.), хранящаяся ныне в Ярославском художественном музее, на одном из клейм изображает этот момент с достаточной силой драматизма: княгиня Ксения, стоя на городской стене, отказывает группе всадников во главе с Федором во въезде в Ярославль, а за ее спиной видна фигура боярина, одетого в шубу³.

Федор не стал прибегать к насильственным мерам против бояр, но только до тех пор, пока был жив его сын Михаил. Вполне возможно, что если бы Михаил продолжал княжить, его отец навсегда ушел бы

¹ С. М. Соловьев. Цит. соч., с. 16—19.

² С. Шпилевский. Цит. соч., с. 15.

³ В. Митрофанов. Описание икон Ярославского музея. Рукопись. 1962—1967

из Ярославля и дальнейшая судьба его сложилась бы как-то иначе. Но Михаил умер, должно быть, еще не став вполне взрослым. И тогда находчивый Федор преодолел сопротивление изгнавшего его ярославского боярства весьма решительным образом. Он испросил у хана татарское войско, а «с ним пришли также многие силы русской земли». Граждане Ярославля сдались ему. Князь вошел в город. «И какие были Федору обиды, он отомстил за них повелением царевым, а татар отпустил с честью в Орду»¹. К сожалению, дата этого события также неизвестна.

Несомненно, что в Ярославле у Федора были не только враги, но и друзья. Именно поэтому взятие им города военной силой не привело на людей впечатления вторжения завоевателя. Многие, и даже, по-видимому, большинство ярославцев, обрадовались возвращению своего князя. Ведь Федора уже полюбили в Ярославле, а когда он умер, то там был всенародный плач.

Не указывает ли это на то, что враги Федора были также врагами и его друзей? Можно с достаточной вероятностью предположить, что боярской реакционной верхушке противостоял народ — простой, трудовой, строящий и развивающий свой город. Князь Федор желал, чтобы его удел экономически развивался, и поэтому поддерживал ремесленников и строителей, покровительствовал торговле.

Во все время правления Федора Ярославское княжество благоденствовало. На его территории не велись междоусобные войны, сюда не заходили грабительские татарские орды. Так же спокойно чувствовало себя соседнее, дружественное и родственное княжество Ростова Великого. А это очень много значило в то беспокойное время, когда неизвестно было, что может принести с собой завтрашний день.

Главнейшими добродетелями любого князя в мирные времена правления считались в древней Руси правосудие, благотворительность, благочестие вместе с храмоздательством. Этими качествами Федор отличался в полной мере, так что народ сложил о нем песни, которые пели «калики переходные» даже до сравнительно недавних дней. Вот отрывок из народного эпоса о Федоре:

Всем он суд правый правил,
Богатых и сильных не стыдился.
Нищих и убогих не гнушался².

Следует прибавить к этому свидетельство Жития, согласно которому Федор «Божественным книгам прилежал» день и ночь, много заботился о благолепии церкви, украшал их иконами, снабжал книгами, воздвигнул много новых храмов, часто ездил в Спасский монастырь, где кормил братию и оделял ее милостыней³.

Итак, Федор встретил в Ярославле семью с иными традициями, чем те, которые он принес с собой. Затем он встретил здесь настороженных, а потом и совсем враждебных бояр. Но он встретил в Ярославле также и большого друга в лице простого народа, который он охранял, которому содействовал в лучших его стремлениях, которым правил разумно и который сохранил о нем благодарную память, идущую через века.

Период правления Федора в Ярославле длился 39 лет — с 1260 по 1299 г.

Теперь, после общей оценки деятельности князя Федора в Ярославле, следует более подробно остановиться на некоторых конкретных событиях его жизни. В противоположность относительно внешнему

¹ С. Шпилевский. Цит. соч., с. 17—18.

² П. Бессонов. Калики переходные. Ч. I. Вып. 3, М., 1861, с. 785—786.

³ Великие Минен-Четьи, сентябрь, стлб. 1267.

спокойствию его княжения, личная жизнь князя изобиловала всякого рода приключениями и опасностями.

В самом начале княжения Федора, в 1262 г., возникла угроза вторжения Орды на Русь. Тогда в ряде городов русских были избиты и изгнаны сборщики ордынской дани. В Ярославле был изловлен некий Зосима, бывший православный монах, перешедший в Орде в мусульманство и начавший в Ярославле пропаганду против христианства. Ярославцы убили Зосиму и бросили его труп на съедение псам. Событие это, так же как и волнения в других городах, не имело, к счастью, тяжких последствий, ибо положение спас великий князь Александр Невский. Он находился в то время в Орде и выступил в защиту русской земли¹.

К числу важнейших событий в жизни Федора относится его ордынская эпопея. Но сначала посмотрим, что же представлял собой Сарай, центр Золотой Орды.

По утверждению профессора В. Баллода, руководившего археологическими раскопками в Сарае в 1922 г., после раскопок, произведенных В. Григорьевым, «прошли три четверти века, и едва ли мы знаем больше о Золотой Орде, чем знал Григорьев. Работы его и других исследователей середины XIX века по-прежнему являются настольными книгами для работающих по изучению Золотой Орды»². И вот что писал археолог В. Григорьев в 1854 г.: «Три века с половиной прошло лишь с тех пор, как меч и политика... Иоанна III нанесли последний удар существованию Золотой Орды..., а мы в настоящее время, как ни бьемся, не можем уже собрать о бывших властителях Руси никаких удовлетворительных сведений... А о столице Золотой Орды, о знаменитом Сарае, мы не знаем даже наверное, к каким бы развалинам могли приурочить это громкое имя»³.

Известный немецкий путешественник Вильгельм Рубрук посетил Сарай в 1254 г. и назвал его городом «новопостроенным»⁴. Можно думать, что Сарай стал центром Золотой Орды уже в 1261 г. Митрополит Кирилл именно в этом году учредил здесь новую епархию, о чем рассказывает Никоновская летопись⁵. В. Григорьев в 1854 г. приводил слова восточного купца Абульфедо о том, что Сарай был построен Батыем «недавно»⁶. Не оспаривается мнение В. Григорьева о том, что этот город был построен между 1242 и 1254 годами, а именно после того, как Батый вернулся из похода на Венгрию. В связи с этим интересно отметить, что первая монета в Сарае была выбита в 1266 г.

В дни посещения Сарая Абульфедом это был «город великий». Он лежал к северо-западу от Хазарского (Каспийского) моря, на берегу реки Итиль, и представлял собой оживленный транзитный пункт. По свидетельству Ибн-Арабшаха (1389—1450), в Сарае «в короткое время набралась добрая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников», город «сделался сосредоточием науки»⁷. Столица украшалась зданиями.

В 1395 г. Тамерлан, взяв предварительно Астрахань, двинулся к Сараю и обратил его в пепел. Но, видимо, город не был вовсе оставлен жителями. Никоновская летопись повествует, что «Большая Орда была

¹ Никоновская летопись (ПСРЛ, т. X—XI, с. 143); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VII, с. 162, 163).

² Проф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столица Золотой Орды. Казань. 1923, с. 3.

³ Там же.

⁴ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 (перев. на русск. яз. Маленна). СПб., 1911, с. 99.

⁵ ПСРЛ, III, с. 41.

⁶ В. Григорьев. О местоположении столицы Золотой Орды — Сарая. СПб., 1854, с. 1—2.

⁷ Там же, с. 6.

порущена» Иоанном III и бывшие правители Орды стали жить в Астрахани¹. А по словам Казанской летописи, при Иоанне же III князь Василий Ноздреватый разорил «юрту Батыеву». По свидетельству путешественника Палласа, в XVII в., при царе Михаиле Федоровиче, для застройки русскими людьми Астрахани использовался кирпич сломанных в Орде ханского дома и ханской мечети².

Однако произведенные в новое время археологические раскопки на месте золотоордынской столицы дали следующую картину. Были обнаружены следы керамических мастерских, кирпичного завода, зернохранилищ. Среди находок оказались бусины, печати, куски мрамора, медные, серебряные и золотые римские, арабские, русские монеты, кремневые и бронзовые стрелы, браслеты, перстни, серьги, фигурки людей, чаша, кувшины, светильники, некоторые золотые вещи из обихода. Найдены были также следы колодцев, водопроводные трубы, гробы, обитые серебром, медные слитки, которые позволили предположить, что здесь существовали литейные заводы. Сохранились следы оборонительных стен, рвов, широких улиц и площадей, прудов некрополя... Всё это свидетельствует о том, что Золотая Орда была действительно «золотой», т. е. богатой. Профессор В. Баллод писал: «Откопанные нами памятники архитектуры еще раз подтверждают, как технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города. Прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте. Какой дивный вид должны были иметь дома и дворцы, облицованные изразцами и расписанные пестрыми узорами... Это явно крупнейший культурный центр Золотой Орды, заводы и мастерские которого поистине могли снабжать всё государство всем, что было нужно народу, решившему сбросить с себя облик дикаря и варвара»³.

Интересно рассмотреть, каково было государственное и административное устройство Золотой Орды. По мнению историка В. Л. Егорова, «изучение структуры Золотой Орды позволяет более четко определить не только причины раздиравших ее изнутри противоречий, но и те приемы, которые использовала русская дипломатия в своем стремлении ослабить ненавистный гнет и накопить силы для избавления от него»⁴.

В 1235 г. состоялся курултай (съезд) кочевников-монголов, на котором было решено направить на Запад силы с завоевательскими целями. И уже через год в прииртышских степях собралась огромная армия, возглавляемая внуком Чингисхана — ханом Бату. Через шесть лет полчища кочевников вернулись с берегов Адриатического моря и расположились в причерноморских и прикаспийских степях. Их государство даже не имело единого названия. Его именовали то Северной Татарией, то империей татар, то улусом Джучи, то Дешт-и-Кыпчаком, то улусами Бату, то Берке и Узбека, то страной Каманов. Собственно Золотой Ордой было правое крыло улуса Джучи, называлось оно Ак-Ордой.

Поездки русских князей в Золотую Орду именовались сначала просто поездками «в татары к Батыеву», а возвращение — возвращением «ис татар». Название же «Орда» впервые появилось у нас в Лаврентьевской летописи лишь в 1257 г., а «Золотая Орда» — и того позже, в конце XVI в. Откуда же произошло это название? По свидетельству

¹ ПСРЛ. VII, с. 210.

² Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. Перев. Зуева. СПб., 1788, с. 143.

³ В. Баллод. Цит. соч., с. 61—62.

⁴ В. Л. Егоров. Государственное и административное устройство Золотой Орды. «Вопросы истории», 1972, № 2.

путешественников тех дней, в Орде стоял шатер, так и называвшийся «золотым». Он был «разукрашенным и диковинным» (Ибн-Батута). Деревянные прутья были окованы листами золота. Стоявший посредине престол из дерева весь был обложен серебряными, но позолоченными листами и усеян драгоценными камнями, а ножки его были из серебра.

Образ правления в Орде был самым деспотическим. Исторические источники категорически констатируют, что ханы имели «изумительную власть над всеми», как говорится об этом в «Путешествиях в восточные страны Карпини и Рубрука», посетивших Золотую Орду в середине XIII в. По свидетельству Карпини, никто не имел права сказать о чем-либо: «это мое», ибо всё принадлежало властителю — люди, скот, имущество. Структура государства копировала устройство монгольской армии, а порядки в ней были самые жестокие.

По окончании монгольских завоеваний захваченные земли были поделены на четыре улуса — крупные административные единицы, во главе которых стояли ханы. А верховным правителем империи был каан, базировавшийся в Каракоруме. Он утверждал ханов и русских князей. Сюда шла определенная часть награбленного и собранной дани. Каан направлял на Русь своих слуг для переписи здешнего населения и взимания с него дани. Золотоордынские ханы выбивали на своих монетах имя каана. Но с началом правления Менгу-Тимура (1266 г.) он начал чеканить монеты с своим именем.

Вся территория Орды делилась на еще более мелкие административные единицы, которые возглавлялись крупными феодалами, обладавшими всей полнотой исполнительной и судебной власти. Существовали и две высшие государственные должности — беклярибек (бек над беками) и везир. Беклярибек был одновременно и главнокомандующим армией (таким был, например, Мамай), и своего рода министром иностранных дел: он ведал дипломатическими сношениями с другими государствами. Везир же занимался финансами, налогами, экономикой и внутривластической жизнью государства.

Во главе каждого города стоял начальник. Главной опорой власти верховного правителя были представители крупной кочевой аристократии. Хан оделял их земельными владениями: например, Бату принадлежали все лучшие земли Нижнего Поволжья. Крупные феодалы выделяли из своих уделов землю тысячникам, или темникам (их было до семидесяти), а те в свою очередь — нижестоящим чинам. Воинам же принадлежала лишь их военная добыча.

Ханы взимали как внутренние налоги, так и дань с покоренных народов. Постепенно у Орды завязывались дипломатические отношения с другими государствами; надо было организовывать и внутренний рынок, наладить чеканку собственных монет, а также организовать снабжение многотысячных орд кочевников изделиями ремесел. Это требовало создания городов, для чего использовалось огромное количество пленных — бесплатной рабочей силы.

В свете всего этого князь Федор Черный сознавал необходимость жить в мире с Ордой. С целью установить добрые отношения с ней и тем оградить свое княжество от татарского разорения он поехал к хану. Миссия эта была аналогична той, какую выполнил перед своей смертью святой князь Александр Невский. Правда, Александр добился, чтобы зависимость его от Орды заключалась только в уплате дани, а поставлять Орде войско он отказался. Не исключено поэтому, что смерть его после такого отказа последовала от медленно действующего отравления.

Федор же не мог и думать о подобном отказе. Он был вынужден явиться в Орду со своим войском и сражаться вместе с татарскими войсками против ясов (аланов) на Кавказе и камских болгар. Поход

на ясов датирован летописцами 1277 г. Летописцы же говорят, что и в следующем году Федор и другие русские князья ходили с татарами на войну¹. Если принять мнение С. М. Шпилевского о том, что пребывание Федора в Орде закончилось к 1276 г., то указанные походы будут свидетельствовать о том, что «отношения Федора к татарам продолжали оставаться наилучшими и после возвращения царского зятя в Ярославль»².

Успехами своих походов совместно с татарами Федор, несомненно, отвлекал внимание ордынского хана от русских пределов. И именно в этом можно усматривать его княжеское служение родине в грозное для нее время.

Федор был талантливым военачальником. Вероятно, его выдающиеся военными успехами и объясняется то, что он более всех других русских князей выдвинулся перед ордынским тронем. Мужество Федора, его красота и, по всей вероятности, умные речи и вежливое обхождение заставили ордынского хана и его жену полюбить русского князя. Так во всяком случае рассказывается в Житии Федора, написанном Антонием. Согласно этому Житию, князь Федор «всегда предстоял у царя и подавал ему чашу». В особенности он понравился ханше, и она возымела намерение отдать Федору в жены свою дочь.

Федор оказался непоколебимым. Служа хану, он, однако, не шел у него на поводу. Твердо хранил он свою веру и нравственные убеждения. Святой князь заявил, что он уже женат и что его вера запрещает ему брать себе вторую жену. Житие Федора повествует далее: «...Царица же паки сугубо любяше его и царю безпрестани глаголаше, еже бы дочь свою выдати в супружество за него»³. Узнав об окончательном отказе Федора, ханша «вельми печаловаше о сем»⁴.

Ответ Федора, однако, был уважен ханом и не вызвал его гнева. Это показывает, как удивительно сочеталась у Ярославского князя твердость убеждения с тактичностью. Примечательно, что отказ подчиниться воле ханского двора не вызвал конфликта, хотя приблизительно в то же самое время князь Рязанский Роман принял мученический венец за свою веру от того же самого хана Менгу-Темира, которому служил Федор⁵.

Вскоре после отказа от брака Федор вернулся в Ярославль, и тогда произошел описанный выше его конфликт с боярами, заставивший русского князя вернуться в Орду. Теперь Федор знает, что жена его Марья Васильевна скончалась и он может жениться второй раз.

Ханша усилила просьбу к хану отдать их дочь Федору в жены. Теперь хан, как говорит Житие, не хотел этого, так как Федор был его улусником. Наконец, он уступил мольбам ханши. Федор настоял на том, чтобы дочь хана была крещена. Житие так рассказывает об этом. Федор твердо заявил: «Аще крестится дщи твоя, то не отрицаюся поятию за себе по христианскому закону церковному». Ханша сказала повелителю Орды: «О царю, аз убо от многа времени желаю, дабы дщи наша веровала в Господа Бога». И хан коротко заключил этот разговор: «Буди тебе, якоже хочещи»⁶.

Надо сказать, что в то время в ордынской столице было очень просто крестить иноверную, так как там с 1261 г. существовала право-

¹ С. Шпилевский. Цит. соч., с. 27.

² Там же. Следует отметить, кстати, что, согласно летописям, Федор в 1276 г. участвует в погребении Василия Ярославича, князя Костромского, а в 1278 г. в Ярославле выдает замуж свою младшую дочь.

³ Служба и житие благоверного великого князя Федора Смоленского и Ярославского. Библиотека Академии наук СССР. № 17. 12. 12, л. 16—17.

⁴ Там же.

⁵ А. В. Карташов. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I, с. 184—185.

⁶ См. цит. службу и Житие князя Федора.

славная епархия и был епископ Феогност, носивший титул Сарайского и Переяславского (имелся в виду южный Переяславль)¹. Кроме того, на Сарайского епископа были возложены «внешние сношения» с православными Церквями Византии, и он был лицом близким к ханскому двору и нередко передвигался вместе со ставкой хана. В Сарае были православные храмы и священники.

Однако ордынский хан захотел обставить женитьбу Федора более торжественно и придать этому событию возможно более широкую огласку. Повелитель Орды пошел на акцию удивительной дипломатической вежливости, которая поразительно и очень приятно контрастирует на общем историческом фоне той эпохи, эпохи варварских нашествий, феодальных раздоров и массовой гибели культурных ценностей. Хан, как говорит Житие Федора, сам взял на себя ходатайство перед Константинопольским патриархом относительно разрешения брака Федора с его дочерью. С этой целью хан отправил в Константинополь специальное посольство во главе с епископом Сарайским Феогностом. Известно, что епископ Феогност трижды ездил в Константинополь (около 1275 г., в 1276 и в 1279 гг.) либо с дипломатической миссией, либо для участия в церковных соборах. Возможно, что в одну из этих поездок Феогност уладил вопрос о второй женитьбе князя Федора².

Патриарх дал разрешение на брак при неперемennom условии принятия дочерью хана христианской веры³. Во святом крещении татарская царевна была наречена Анною. Состоялся брак ее с Федором, и князь еще долгое время жил в ордынской столице, где у него от Анны родились сыновья Давид и Константин.

Породнившись с ханом, князь Федор приблизился к нему еще более. Если прежде он только стоял при хане во время его трапез и подавал ему чашу (а это было функцией весьма доверенного лица), то теперь хан относится к Федору, как к своему сыну: часто сажает его с собой за стол, возлагает венец на его голову, одевает в свою порфиру, устраивает ему прекрасный дворец, окружает его славой и богатством, дает ему на содержание 36 городов, в том числе Казань, Чернигов, Болгары, Куманы, Арск и другие.

Живя в Орде, Федор не терял времени напрасно. Его самоотверженное служение родине здесь, в логове поработителей русского народа, продолжалось. Выше было уже отмечено, как Федор-военачальник отвлекал ордынские силы от русских земель. Теперь, в мирное время, используя родственные связи с ханом, он намного усилил русское влияние на татарскую Орду. Житие свидетельствует, что Федор распространял здесь христианство, построил несколько храмов, покровительствовал русским людям, которые по тем или иным причинам приезжали в Орду, а то и жили здесь.

Казалось бы, новое счастье пришло к Федору. Однако он оставался русским князем, русским патриотом. Когда из Ярославля пришла весть о смерти сына его Мухамла, он отпросился у хана домой. Хан дал ему ярлык на Ярославское княжество и проводил с большой честью.

О втором прибытии князя Федора в Ярославль и его торжестве над врагами — боярами было уже рассказано выше. Теперь остается сделать попытку уточнить, какие годы провел Федор в Орде и какой именно хан сделал его своим зятем. Первоисточники, к сожалению, не дают прямого ответа на этот вопрос. Они называют только имя хана Менгу-Темира (занимавшего трон в Золотой Орде с 1266 по 1280 г.), как призвавшего русских князей, а в числе их и Федора, к себе на воен-

¹ Подробнее об истории этой епархии см.: Н. А. Соловьев. Сарайская и Крутицкая епархии. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1894, кн. III.

² Великие Минеи-Четьи, под 19 сентября, стлб. 266.

³ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, с. 46—47.

ную службу. Поэтому проще всего было бы заключить, что за Федора была выдана дочь именно Менгу-Темира.

Однако Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского»¹ пишет, что за Федора была выдана дочь Ногай. Ногай в 1273 г. женился на христианке Евфросинии, незаконной дочери византийского императора Михаила Палеолога. О том же пишет и А. Н. Насонов². Карамзин полагал, что крестить дочь христианки было легче, чем дочь мусульманина.

Но Ногай не был ханом. Он был выдающимся ордынским полководцем, сначала темником (т. е. начальником десяти тысяч воинов), а потом — главой почти самостоятельной орды, кочевавшей около Азовского моря и в низовьях Днепра. Это был не только влиятельный вельможа, но и интриган, сместивший, после Менгу-Темира, несколько ханов на ордынском троне.

Как пишет С. М. Шпилевский, ордынскую эпопею Федора можно было бы отнести к периоду между 1281 и 1292 гг.³ В пользу этого варианта говорит то, что именно в этот период русские летописи как будто молчат о Федоре. Но сам Шпилевский придерживается другого варианта. По его авторитетному мнению, вся ордынская эпопея Федора закончилась до 1276 г., когда этот князь, как указано выше, впервые упоминается в исторической летописи. Тогда следует, что тестем Федора был не темник и глава кочующей орды Ногай, а глава центрального правительства — хан Менгу-Темир⁴. Сказание не называет по имени ордынского правителя — тестя Федора, но большинство русских историков признаёт таковым именно Менгу-Темира⁵.

В пользу более ранней даты пребывания князя Федора в Орде Шпилевский приводит, главным образом, то соображение, что появление его в Орде человеком молодым более соответствует впечатлению, произведенному им своей красотой. Шпилевский ссылается на исследование Н. С. Голлицына, в котором говорится, что Федор мог получить на содержание тридцать (и даже более) городов не от только что начавшей свое существование Ногайской орды, а от хана Большой (Золотой) Орды, т. е. Менгу-Темира⁶. К тому же следует отметить, что эти города в подавляющем своем большинстве (собственно, кроме Чернигова, относящегося к ногайским владениям) расположены были на территории Большой Орды.

Предположение Шпилевского кажется гораздо более вероятным и для подкрепления его можно высказать следующие соображения.

а) В период времени до 1276 г. Федор так же не упоминается в русских летописях, как и в период с 1281 по 1292 г. Следовательно, с этой стороны второй вариант не имеет преимущества перед первым. Но он имеет тот недостаток, что оставляет Федору слишком мало времени для жизни с новой семьей в Ярославле — всего семь лет до его кончины (в 1299 г.). По первому, более раннему варианту, новая семья живет с Федором в его уделе не менее двадцати трех лет. Такой срок был бы вполне достаточен, чтобы ярославцы привыкли к новой семье Федора и признали ее авторитет.

Необходимо также отметить, что утверждение, будто с 1281 по 1292 г. Федор вовсе не упоминается в источниках, не точно. Оно верно только по отношению к летописям. Документальные же материалы, в частности, грамоты, говорят о другом. Так, например, в них есть свиде-

¹ Т. IV, с. 70.

² А. Насонов. Цит. соч., с. 18.

³ С. Шпилевский. Цит. соч., с. 18.

⁴ Там же, с. 18—20.

⁵ Там же, с. 19.

⁶ Там же.

тельства, что в 1284 г. Федор был в Смоленске, где заключил торговый договор с рижскими немцами¹.

б) Н. М. Карамзин, когда пишет: «Вероятно, Федор был зятем не Менгу-Темира, а Ногай, женатого на христианке и не хотевшего принять веры магометанской»², — ошибается в том, что Ногай не принял ислама. В арабской летописи Рукнеддина Бейбарса³ указывается, что около 1271 г. Ногай принял ислам и за это удостоился от египетского султана письма, содержащего «обильную долю признательности и прекрасное благоволение похвалы». В этом письме Ногай называется «высокоставленным, родовитым, воинствующим во славу господа своего, озаренным светом солнца своего, сокровищницей мусульман»⁴.

в) В арабских летописях, приведенных у В. Тизенгаузена, торжественно сообщается о каждом золотоордынском правителе или крупном сановнике, принявшем ислам (среди них — Берке, Ногай, Туда-Менгу, Узбек), но не говорится о принадлежности к исламу Менгу-Темира. По-видимому, этот хан, поддерживавший, как и другие ханы Золотой Орды, активные сношения с мусульманским Египтом, сам не был мусульманином. Отсюда следует, что христианский брак его дочери с Федором не мог встретить препятствий с религиозных позиций.

г) Житие Федора указывает на очень активную роль ханши в деле второго бракосочетания Федора. Кто же была эта ханша?

В арабских рукописях⁵ мы находим упоминание о весьма деятельной и влиятельной Джиджекхатуни, жене Менгу-Темира, которая «правила государством во время мужа своего⁶ и в царствование Туда-Менгу»⁷. Естественно предположить, что она и была тещей Федора. Время ее «правления», т. е. активного влияния на политику ханов Золотой Орды, больше, чем время владычества ее мужа Менгу-Темира. Это обстоятельство несколько расширяет возможные рамки даты второй женитьбы Федора и тем самым увеличивает вероятность того, что Федор женился на дочери Джиджекхатуни и Менгу-Темира.

д) Весьма существенным доводом в пользу того, что Федор был зятем именно Менгу-Темира, является политика князя по возвращении его в Ярославль. Федор поддерживает здесь, на Руси, в борьбе за старшинство того князя, который получил ярлык на великое княжение от центрального правительства Орды, а именно — Андрея Александровича, сына Александра Невского, а не Дмитрия Александровича, которого поддерживал Ногай. Если бы Ногай был тестем Федора, а значит — и его покровителем, то для Федора было бы естественным и на Руси ориентироваться на политику Ногая.

е) Судя по Житию, составленному Антонием, Федор имел в Орде резиденцию не где-нибудь, а в ее столице — Сарае, владел там дворцом и действовал очень активно, покровительствуя русским, строя храмы, поддерживая связь с епископом Сарайской епархии. Совершенно ясно, что в совсем дикой кочевой ногайской орде Федор все это не мог бы делать.

ж) Весьма вероятно, что Федор имел широкие политические взгляды и планы. Князь-патриот того времени, каким был Федор, не мог не задумываться об общих судьбах Руси. Думается, что судьбы эти Федор связывал с Ордой, предполагая найти разумный путь во взаимоотношениях с нею именно в ее столице, а не среди кочевьев Ногая.

¹ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1863, с. 66.

² Н. Карамзин. Цит. соч., т. IV, с. 70.

³ Рукнеддин Бейбарс Эльмансури Эльмысри умер в Каире 4 сентября 1325 г.; его не следует путать с султаном Рукнеддином Бейбарсом.

⁴ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, с. 102.

⁵ Там же.

⁶ 1266—1280 гг.

⁷ 1280—1287 гг.

Следует сказать несколько слов о новой семье Федора.

Вчерашняя мусульманка, а ныне православная княгиня Анна по прибытии со своим мужем — князем Федором — в Ярославль была принята здесь, как родная. Она оказалась глубоко религиозной православной женщиной, занималась благотворительностью, построением и благоуукрашением храмов. Еще сейчас в Ярославле рядом со Спасо-Преображенским монастырем, чуть ниже по реке Которосли, стоит каменный храм в честь святого архангела Михаила, построенный Анной на месте древней деревянной церкви (свой теперешний вид он получил в XVII в.).

Старший сын княгини Анны — Давид — княжил в Ярославле с 1299 по 1321 г., продолжая вторую династию Ярославских князей, основанную Федором. Второй ее сын — Константин — не занимался политической деятельностью и история не сохранила даже даты его смерти.

Теперь обратимся к событиям после возвращения Федора из Орды.

Случилось так, что исторические обстоятельства в этот период благоприятствовали развитию деятельности и расширению влияния князя Федора на Руси. Один за другим умерли его братья, поочередно княжившие в Смоленске¹: в 1278 г. — Глеб Ростиславич², а через год — Михаил Ростиславич³. Смоленское княжество, как вотчина, переходит к Федору⁴. Переход Смоленска в руки Федора был неожиданным и во всяком случае неприятным для его племянников, проводивших свою жизнь в Смоленске с самого детства и смотревших на этот город как на свой собственный. В особенности недовольны должны были быть сыновья старшего брата — Роман и Александр Глебовичи.

За дальностью расстояния и множеством дел в Ярославском княжестве Федору трудно было управлять Смоленским уделом лично, и он ставил там своих наместников, выбирая их из среды своих племянников. По-видимому, неплохо сложились у Федора взаимоотношения с младшим племянником — Андреем Михайловичем⁵, но старший племянник — Роман Глебович — в 1285 г. напал на Смоленск, намереваясь отобрать его у дяди, однако не смог это сделать, а только лишь поджёг пригород и ни с чем вернулся восвояси⁶. Позже Федору удалось заключить мир с этим племянником и сделать его смоленским наместником. Однако третий племянник — Александр Глебович — в 1297 г. «взял лествью княжение смоленское под дядей своим»⁷. В следующем, 1298 г. князь Федор во главе большого войска двинулся к Смоленску. За Смоленск ему стоило биться не только для того, чтобы восстановить пределы своих владений, но и для того, чтобы в нем, как и прежде, жизнь шла по прогрессивному руслу, в направлении расширения политических и экономических связей с внешним миром. Известно, например, что еще в 1284 г. в целях развития торговли Федор заключил с Рижским епископом Мейстером и немецкими ратманами договор о свободной торговле и беспрепятственных сношениях между Смоленском и Ригой⁸.

Однако отвоевать Смоленск Федор не смог. Соединения двух княжеств — Смоленского и Ярославского, которое, как пишет С. М. Соловьев, могло бы повести к важным последствиям для Северной Руси, не получилось⁹.

¹ Профессор В. О. Ключевский называет Смоленск «средним членом семьи старших волостных городов» (цит. соч., с. 58).

² Никоновская летопись, с. 155.

³ Там же, с. 157.

⁴ По Никоновской летописи это произошло в 1279 г., по Воскресенской — в 1280 г.

⁵ Смоленские грамоты, с. 66.

⁶ Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. I, стлб. 482.

⁷ Суздальская летопись. Там же, стлб. 528.

⁸ Смоленские грамоты, с. 62—63, 66.

⁹ С. Соловьев. Цит. соч., с. 198—199.

Горе и трудности, встреченные Федором на родной Руси, не ограничились одной лишь длительной, но неудачной борьбой за Смоленск. Ему пришлось участвовать и в тяжелых междоусобных войнах. К чести его надо сказать, что он никогда не был их зачинщиком. Он являлся со своим войском на помощь тому, кого считал юридически правым. А юридическое право на княжение в те времена давал ханский ярлык.

Так, в свое время ярлык от хана получил князь Андрей Александрович, сын Александра Невского. Но, приняв ярлык, Андрей нарушил право старшинства, принадлежавшее старшему сыну Новгородского князя — Дмитрию. Конфликт между «старшинством» и «ярлыком», в котором Федор стал на сторону последнего, вызвал междоусобные войны. Ярославский князь в течение этих междоусобных войн, длившихся с перерывами с 1281 по 1294 г., оставался верным Андрею.

Междоусобица тяжелым бременем легла на плечи населения Северной Руси. Самыми страшными годами этой борьбы были 1281 и 1293 гг.

В 1281 г. к Андрею под Муром собрались князья: Федор Ярославский, Михаил Стародубский, Константин Ростовский, а татары присоединились к ним¹ и, как пишет Н. М. Карамзин, «напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери до самого Торжка были разорены ими... Переславль хотел обороняться и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя, который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга... В Рождество Христово церкви стояли пусты; вместо священного пения раздавались в городе плач и стон. Андрей, злобный сын отца, столь великого и любезного России, праздновал один с татарами»².

В 1293 г. произошло почти то же самое. Поход татар, воспользовавшихся раздорами между русскими князьями, известен под именем нашествия Дюденской рати³. Н. М. Карамзин пишет: «Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были ими взяты, как неприятельские... Татары взломали даже медный пол собора Владимирского»⁴.

Наконец, между князьями Андреем и Дмитрием был заключен мир, а татары вернулись домой с богатой добычей.

В тяжелой братоубийственной войне главная ответственность падала на Андрея. Но уклониться от этой войны князь Федор по своему положению, как вассал Андрея, и по условиям времени не мог. Примирить князей дипломатическими средствами он также был не в состоянии, поскольку не обладал всероссийским авторитетом; он был фигурой меньшего масштаба.

Но, несмотря на то, что князь Федор не стал крупной фигурой в русской истории, он оказал большое влияние на ее общий ход. Его значение заметно превосходит то, какое мог иметь всего лишь удельный князь. Своей жизнью и деятельностью Федор показал убедительный пример поборника истины, выходящий далеко за узкие рамки его собственного удела.

Но подробнее об этом позже. А теперь следует рассказать о последних днях жизни князя Федора и его кончине.

Святой князь Федор до конца своей жизни был глубоко верующим православным человеком и старался жить в соответствии с верой. Он любил предаваться искренней молитве, любил строить храмы, украшать иконы, собирать книги, делал много добра людям, особенно посредством благотворительности. И если для единства Руси Федор поддержи-

¹ Обладатель ханского ярлыка, как известно, имел право пользоваться силой татарского войска.

² Н. Карамзин. Цит. соч., т. IV, с. 82.

³ Дюдень, по Карамзину, был братом золотоордынского хана Тохты.

⁴ Н. Карамзин. Цит. соч., с. 88.

вал князя Андрея или какого-либо другого князя, обладавшего ханским ярлыком, и при этом проливал людскую кровь, то такой вынужденный компромисс между временной политикой и вечной правдой не мог не смущать его совести. Да и ежедневные суды и другие административные действия князя не проходили бесследно для его души. Он чувствовал необходимость очистить себя от всей этой косности и неправды покаянием и полностью отрешиться от мирских дел.

Но в то же время Федор сознавал, что он — князь и является им не без воли Божией, что мирская власть, с которой связано так много суеты, дана ему свыше как орудие деятельности для пользы государства. А поэтому уйти со своего поста Федор считал себя не вправе до тех пор, пока в нем еще были силы. Лишь болезнь и близость смерти могли помочь ему осуществить давнее духовное желание.

И вот через год после того, как Федор в битве с Александром Глебовичем пытался вернуть себе Смоленск, физические силы покинули его¹.

В пятницу, 18 сентября 1299 г., в совершенно необычное время в три часа дня — граждане Ярославля были встревожены звоном всех колоколов Успенского собора, что на княжем дворе. Всё население поспешило на княжий двор: «стечеса весь град от мала возраста и до велика, мужеск пол и женеск и до съсущих младенцев».

Скорь о болезни князя Федора и его скорой кончине была поистине всенародной: «бысть плач неутешим, ови убивахуся на землю, а инии о мост градный и не бе слышати гласа поющих от вопля и кричания людского».

Больного князя положили на носилки и понесли «через весь град в монастырь Святаго Спаса». Здесь, в притворе монастырского храма, его встретил игумен монастыря. «Припад» к князю, он стал задавать ему обычные вопросы, положенные церковным уставом перед началом монашеского пострижения. Обеты, произнесенные Федором в ответ на вопросы игумена, были глубоко искренними². Об этом свидетельствуют слова, сказанные князем после ответа на вопрос о готовности вступить в новую жизнь: «Рад всею душею, Владыко и Творче мой, — воскликнул он, — работати Тебе в житии сем!» Князь был готов к монашеству не на один день, но усердно желал подвизаться в нем и далее, если Бог продлит жизнь его.

После того, как были даны обеты, наступил момент самого пострижения. Но священнодействие прервалось. По просьбе князя, вызванной, вероятно, требованиями его совести, и с согласия игумена, Федора вынесли из притвора во двор монастыря. Осенний день, должно быть, уже клонился к вечеру. Началось трогательное прощание каждого ярославца со своим любимым князем. «И исповедася (князь) пред всеми, — говорит Житие, — еже согреси к кому, или нелюбие подержа на кого, и кто к нему согреси и враждова нань, всех благослови и прости, и во всем винна себе сотвори пред Богом и человеки». Долго продолжалось это трогательное прощание.

¹ Изложение событий, сопутствовавших кончине князя Федора, сделано по книге «Великие Минне-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием» (СПб., 1869, сентябрь, дни 14—22, стлб. 1255—1257).

² Согласно чину монашеского пострижения, от желающего принять монашество требуется произнесение и исполнение трех обетов: обета послушания, обета целомудрия и обета нестяжания. Характерной стороной обряда является то, что принимающий монашество сам подает игумену ножницы (в знак добровольности), а тот остригает немного его волос (в знак отвержения самоволия). К совершенному монашеству, которое в церковной терминологии называется «великим ангельским образом», или «схимой», ведут две подготовительные степени: первая — рясофор (принявший его называется «новоначальный») и вторая — «малый ангельский образ», или «мантия». Впрочем, обе эти степени необязательны. В древности пожилых людей обычно постригали сразу в схиму. Именно эту степень монашества принял в ярославском монастыре князь Федор. Такое заключение вытекает из текста его Жития.

Но вот Федор призвал к себе княгиню Анну и сыновей своих Давида и Константина. Наставляя их жить в мире и взаимной любви, умирающий князь говорил: «Вы же, благороднии сынове мои, плод чрева моего, Бога бойтесь, и страх Его имейте пред очами вашими выну, и святых церквей не отлучайтесь; святители же и весь освященный монашеский чин чтите и любите, и по учению святых Писаний внимайте и творите, старейшии чтите, и меж себе в мире и любви жительствуйте, чуждаго же стяжания похитити не желайте, убогих милуйте, беспомощным помогайте, матери своей достойную честь воздавайте; да аще послушаете мене, будете долголетни на земли и Царствия Небеснаго сподобитесь»¹.

Между тем, наступила ночь. Федор заметно ослабел. С монастырского двора его внесли в помещение, расположенное рядом с храмом. Здесь князь попросил игумена доверить пострижение его в схиму, что и было исполнено.

Когда перевалило за полночь, новопостриженный схимник Феодор (теперь уже можно назвать его по-славянски) попросил, чтобы его оставили наедине с игуменом и монахами. Около двух часов ночи «начаша клепати утреннюю». Напутствованный Феодор безмолвно лежал на своем монашеском ложе. «Начинающим же им третью славу псалтири» (т. е. незадолго до богослужения), он осенил себя крестным знаменем и «успе».

И тотчас «начаша звонить во все колоколы, и снидесе народа множество бесчисленное». Благолепен был вид схимника в гробу. Житие повествует: «Чюдно бе зрети блаженнаго на одре лежаща, не яко умерша, но яко жива суща: светляшесе лице его, яко солнечным лучам подобитися, честными сединами украшено, показуя душевную его чистоту и незлобивое сердце».

По совершении погребальных молитв гроб с телом Феодора был поставлен в Преображенском соборе монастыря, но не был закрыт. В этот гроб впоследствии положили и тела сыновей Федоровых — князей Давида (†1321) и Константина (год смерти его неизвестен). Как уже говорилось, в 1463 г. все трое князей были канонизованы Русской Церковью. Некоторые подробности предшествовавших этому событий сохранились у летописца² и в посланиях Ивана Грозного³.

Давая общую оценку деятельности князя Федора и его значения для русской истории, следует прежде всего подчеркнуть, что он принадлежал к числу тех князей-патриотов, которые заботились о благе всей Руси, боролись за ее целостность, за ее экономическое и духовное развитие, за ее будущее. Весь свой талант опытного администратора и дипломата князь Федор направлял на сохранение русской земли и ее священных традиций от посягательств извне. Даже в то трудное время, когда святой князь был вынужден находиться в Орде, он во всем поддерживал русских, покровительствовал им и, мало того, оказывал благотворное влияние на самих ханов. Ему удалось достичь татаро-русского сосуществования как в личной семейной жизни, так отчасти и в гражданской жизни его уделов.

¹ Цит. по: Архим. Владимир. Житие святых благоверных князей Феодора и чада его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев. Изд. 2-е. СПб., 1895.

² Архим. Владимир. Цит. соч., с. 5—6.

³ Послания Ивана Грозного. М., 1951, с. 122.